

Рассказ Экзорцист

*О нас говорят, что мы вымысел, Но мы живем и творим, О нас говорят,
что мы выдумка и мистика, Но мы среди вас и часто рискуем
жизнью, Освобождая вас из лап зверя!*

Предисловие

Давным-давно, в самые древние времена, которые только можно себе представить, в высоких горах на юге сегодняшней Европы, вырубленные в скалах, стояли монастыри. В глубокой тени сводов проходила жизнь седых монахов. Никто и никогда не видел и их выходящими за стены монастыря. Пять дней пути отделяли монастырь от ближайшего поселения людей. Лишь иногда в деревнях появлялись незнакомцы с гор, одетые как большинство селян в широкополые шляпы и просторные накидки. Но торговцы сразу отличали их от местных. Никто и никогда не рискнул бы торговаться со странниками, когда те покупали хозяйственные товары и еду. Раболепный страх сковывал тело рискнувшего посмотреть в глаза горцев. Сердце начинало бешено биться. Слезы сами собой бежали по щекам...

Путь монахов был долог. Они в одиночку бродили по нескончаемым дорогам, жили в разных городах и поселках по несколько недель и месяцев, и исчезали также внезапно, как и появлялись. Монахи свободно говорили на трех языках, легко вступая в разговор как с крестьянами, так и с людьми богатыми, проявляли знания и интерес в искусствах, ремеслах, политике и торговле. Монахи нигде не задерживались на долгий срок.

Их целью было – находить по особым приметам мальчиков с врожденным талантом к определенному, только им известному призванию. Мальчиков выкупали, выкрадывали, но всегда оставляли щедрое вознаграждение их родителям. Давали твердое обещание, что ребенок сможет навещать родителей, но только после полного курса обучения. С таким грузом монахи возвращались восвояси – даже если обратный путь занимал целый год. Молва о монастыре и его обитателях передавалась шепотом из уст в уста, обрастая небылицами.

Все может случиться Экзорцист – человек, изгоняющий дьявола. Примерно так звучал перевод странного слова, объясняя, чем же занимались монахи, исповедуя Высшее, с уважением объединяя любые религиозные убеждения и верования на всей земле, всех времен и народов. Прошли века, растворились во времени некогда цветущие монастыри, ушли в прошлое тайные знания Высших школ, покрылись вековой пылью внутренние покои и этого монастыря. И только книги последних веков в разных вариациях – рассказах и легендах повествуют об экзорцизме.

На сегодняшний день это слово забыто в его первоначальном звучании и понятии. И уж если встречаются проблемы, связанные с биоэнергоинформационной составляющей человека или животного, и даже растений, то эти проблемы не под силу решить психологам и психиатрам, медикам, целителям и священнослужителям. Поэтому люди годами ищут спасения, освобождения в молитвах.

По всей земле ищут тех, кто способен освободить от «нечистой силы», которую принято называть порчей, вселением, проклятием по роду, материнским проклятьем, овладением злым духом, нечистой силой, колдовством, наговором, завистью, наветом, проклятьем. Этому есть и много, много других названий, которые на современном языке более-менее грамотно звучат так: нарушение биоэнергоинформационной составляющей с последующим разрушением психофизической части биосистемы. Людей, способных противостоять этому злу, мы ищем по всему свету, а ведь это те самые необычные мальчики, которые уходили в монастырь вслед за монахами. Но в наше беспокойное время, в век

техногенного миропонимания, время отсутствия информативности в вопросах биоэнергетики, да что там – полного отрицания связи энергетики души и физического тела, приводят к тому, что для многих стало нормой жизни причинять вред безнаказанно, не задумываясь о последствиях и расплате. И касается это зло всех без исключения, оставляя страшные шрамы на всю жизнь, независимо от званий и должностей, убеждений и вероисповедания.

Ты, как биосистема можешь быть уничтожен невидимым врагом – злой мыслью или целенаправленным обрядом темного начала. На этих страницах я постараюсь дать объяснение многим из этих явлений и по возможности научить, как избежать беды. Хотя, пробегая глазами эти первые страницы книги, Ты, читатель, уже испытываешь мое огромное, неудержимое желание оградить Тебя от темного влияния, дать Тебе силы, наполнить живительной энергией души моей, восстановить утраченное. Мой опыт - теперь уже более тридцати лет в этой области – позволяет мне, даже не зная Тебя лично, помочь всему светлому, что есть в Тебе, стать больше, убрать препятствия с твоего пути, наполняя твою душу и тело силой Высшей, светом Вселенского милосердия. И если сейчас на глазах твоих слезы, то это будут слезы освобождения. Если из груди твоей рвется смех, не удерживай его – это освобождение. Если силы переполняют тебя – используй их на добрые дела.

Жила-была девочка... - Часть 1-

Мы придем в ваш мозг и принесем хаос, Но вы об этом уже не узнаете. Тьма тоже хочет проявиться...

Мне позвонила приятельница из Припяти и попросила приехать. Сказала только, что с младшей дочерью – беда и что все, что можно сделать за последние три года, сделали, но ее состояние ухудшается день ото дня, и облегчения по-прежнему нет. А дальше были слезы в трубку, рыдания, да такие, что отложив все дела я сел в поезд. Примерно в ста километрах от Киева, на берегу Днепра расположился небольшой многоэтажный, современный и очень уютный городок, одной стороной многоэтажек, потеснив сосновый лес, а другой отражаясь в чистых водах Днепра с гранитными набережными и маленькими кафе.

Меня встретила Мария Федоровна очень любезно. Беседа затянулась далеко за полночь. И, конечно, основная тема – младшая дочь Ира. И вот что Мария Федоровна мне рассказала: - До девятого класса Ира была нормальной девочкой. Спорт для нее всегда стоял на первом месте. Бегала лучше всех, каталась на лыжах быстрее всех. Ира была очень обязательная девочка. А в восьмом классе появилась у нее еще одна страсть – мотоциклы. Придет с автокурсов – глаза горят, вся перепачканная, усталая. А на следующий день опять туда. И вот стала она у меня просить мотоцикл. «Ну, ты же знаешь наши доходы», - говорю ей. Да и боялась я: столько всяких случаев... И вот, что она удумала: написала письмо своему отцу. А мы не общались с ним уже 12 лет. И так ждала от него ответа! Бегала к почтовому ящику по три раза в день. И дождалась... Через месяц, когда пришло письмо, сама из рук почтальона взяла, прибежала, закрылась в своей комнате. А я на работу ушла. Вернулась уже после часа ночи. Не стала

беспокоить, подумала: спит, наверное. А утром зашла в комнату и обомлела: сидит моя Ирочка в кресле белая, как стенка, глаза стеклянные, в одну точку смотрят. Сама она словно остолбенела. А на коленях письмо это треклятое лежит... - Ирочка, Ирочка, что с тобой, доченька?! А она с кресла и поползла. Так и лежит на полу, глаза ледяные – в потолок. А я сделать ничего не могу, она же высокая, тяжелая и как резиновая вся стала. Я вызвала «скорую». Они ничего не понимают. Вторую бригаду вызвали. Так часа три с ней бились, а потом забрали на носилках в больницу. Сказали – психический шок. Вот так все и началось. Когда Ира вышла из больницы были какие-то соревнования по бегу в другом городе. Мне позвонили через два дня. Сказали, что у дочки сердечный приступ и лежит она в больнице в Киеве. Тогда все обошлось. Но от бега пришлось отказаться. Как только побольше нагрузки – начинается аритмия, да такая сильная, что ничего не помогает. . А потом с каждым годом все чаще стали эти сбои проявляться. И превратилась моя доченька в инвалида. А мечту о мотоцикле не оставила. Летом пошла работать на атомную станцию и к осени прикатила новенькую «Яву». К моторам у нее талант был. Мальчишки со всей Припяти к ней приезжали на консультации. Подъедет поздно вечером, посигналит, мол, все хорошо, и укатит на трассу. А за ней два десятка мотоциклов таких же с парнями, девчонками... А еще через два года вышла Ирочка замуж. Парень красивый, высокий. В общем, из таких, к кому девчонки сами на шею вешаются. Как-то поехали они к его матери в деревню. А она ведь даже на свадьбу к ним не пришла. Вернулись, а Ирочка на кровати двое суток проревела. Потом рассказала. - С порога его мать меня такими словами осыпала, да матом. Я такого не слышала никогда. Во дворе час простояли да все слушали... Так и ушли. А на автобусной остановке мне с сердцем плохо стало. Упала. Он меня два километра на руках нес до медпункта. Там нашатырем под носом поводила медсестра и разрешила полежать немного на лавке. С тех пор сердце Ирины стало срываться и без нагрузок по 5 – 7 раз в день. Приступы снять невозможно, всю трясет, сердце прямо выскакивает: так бьется быстро. Потом час лежит, очухивается. Прошла все комиссии, до исследовательского центра кардиологии. Они даже искусственно приступ вызывали... Стоят над ней час – консультируются, а она корчится, уже и говорить не может от боли и ужаса. А они все консультируются... Да все рассуждают: «пациент скорее мертв, чем жив»... Так и выписали. - А спустя три месяца я встретила прежнего тренера по бегу, - рассказывала Ира маме. - Посидели. Поговорили. И он научил меня приступ снимать. Только начнется сердцебиение, нужно лечь у стены, поднять на нее ноги, а минут через двадцать, когда станет успокаиваться сердце, потихоньку опустить их и полежать. С тех пор стало легче справляться с проблемой. Сама смогла в магазин ходить за продуктами, но не далеко. И все время смотрю по сторонам, если сейчас начнется приступ, куда мне бечь и на что ноги поднять... Мария Федоровна долго молчала, а я не спешил с расспросами. Тихо тикали ходики на стене, шипел, закипая чайник. Я смотрел в окно, на набережную. Там не торопясь, ходили люди, играла негромко музыка у кафе, а огни фонарей отражались в глади реки. Я смотрел и вспоминал, как мы с Марией Федоровной познакомились. Это было лет пятнадцать тому. Она пришла ко мне в мастерскую – я тогда работал ювелиром. Пришла холеная, с иголочки одетая во все самое модное женщина средних лет. Глаза умные, взгляд пронизывающий, на лице полуулыбка Джоконды. И выложила без обиняков: - Вы мне сделаете украшение из лома? А надо заметить, что в те времена за подобную работу давали от пяти и выше с конфискацией. Посмотрел, посмотрел и говорю: - Конечно. А потом сдружались. Я к ним в гости ходил. Младшая дочка пела под гитару. А Мария Федоровна чай накрывала. Это был человек очень волевой, умный, расчетливый, жесткий. О таких говорят –

холодный авантюрист. Обожала хрусталь и книги по искусству. Тогда она работала барменом. Мы делали удивительные коктейли, слушали АВВА. А когда я заходил вечером в бар и смотрел, как лихо она управляется со стаканами и прочей посудой в такт музыке, иронично улыбаясь, – будто ей все нипочем, да еще и успевает при этом мило болтать с посетителями. Одну денежку в кассу, другую – в карман. А что делать – детей-то надо поднимать. Никто из ее ухажеров не задерживался у нее надолго, причем все люди порядочные. Она давила своей волей, требовала полного подчинения и была бескомпромиссна. Одним словом, конь в юбке. Теперь передо мной сидела усталая, еще не старая женщина, и видно было, как тяжело ей говорить, перебирая в памяти все неприятные и необъяснимые события последних лет. Безысходность, именно это слово приходило мне на ум, когда я глядел на нее. Тем временем Мария Федоровна продолжал свой рассказ: - Ирочка таяла на глазах, боялась выходить на улицу, постоянно задергивала шторы и все как-то тревожно оглядывалась, будто кто-то за ее спиной стоит. А потом и вовсе началось светопреставление. Целыми днями сидит в темной углу, бормочет чего-то, будто с кем-то невидимым разговор ведет. Есть стала только по ночам. Залезет под стол, возьмет миску глубокую, все что есть сольет туда – и первое, и второе, и чайную заварку в том числе, и жадно, быстро все съедает. А недавно я голос из спальни услышала мужской. Голос кричал и матерился на чем свет стоит. Испугалась, вбежала, а там у батареи сидит моя Ирочка: глаза как угли горят, сама белая, вся дрожит и с такой ненавистью на меня смотрит... и никого больше в комнате. Я спрашиваю: - Ты что... Ирочка. Я так испугалась... - Как же, тебя даже хреном конским не испугаешь, старая курва, - зарычала на меня мужским, хриплым басом Ирочка. - Доченька, ты что же это такое говоришь?! Мне страшно, у меня же сердце больное! - Да ты мразь!!! Да ты точно сбрендил, инвалидка на все башку. Не сдохла еще? А вякаешь, как раздавленная, ха-ха-ха. Скоро, скоро уже я и в тебя войду, только эту квартиру дососу. Поди подмойся и мы порезвемся. Ох, нравится мне у вас, хор-р-роший мир и жратвы много. А потом холод, как из могилы по комнате пошел. Дорожка на полу вдруг как приподнимется – будто кто под ней двигается. Не удержалась я, жутко мне стало по-настоящему. Хотела уйти, а ноги не идут. Смотрю, а Ирочка моя вся серая, как земля стала, смотрит страшно и этим голосом кричит: - Дай пить, курва, пить дай, мразь, дай пить курва, дай пить, мразь, пить хочу, хочу пить, пить хочу, хочу пить... Продолжалось это часа четыре. Как на улице оказалась и не помню. Я под окном стояла, а с нашего балкона на втором этаже все неся этот ужас Вернулась в дом, когда уже стемнело, а идти боюсь. Пошла к соседке, посидела, о чем-то говорили. А потом ее попросила: - Сходи, посмотри, как там Ира. Соседка только странно так на меня взглянула, но ничего спрашивать не стала, пошла. А когда вернулась, сообщила: - Ира дома сидит, сказала, что тебя нет, что позже придешь. Я как домой вернулась, сразу на кухню прошла, и всю ночь там просидела. А часов в восемь слышу, дверь хлопнула входная. Ушла моя Ира. И я тут же за телефон – тебе звонить... Вот такие дела у нас... Мы молчали, и чувствовал я, что многое здесь недоговаривается. Но торопить события – себе вредить. И я ждал. А на утро следующего дня приехала Ира, мы встретились как старые друзья. Но разговаривать в доме было почему-то неудобно, и мы ушли в парк. Долго бродили по уютным дорожкам осеннего соснового леса, говорили о всяких пустяках, больше о ее детстве, друзьях, увлечениях. И постепенно, как-то невзначай, я заговорил о ее отце, о письме. Все боялся, что она замкнется, и тогда труднее будет докопаться до истины. Но мои опасения были напрасны. - Все неприятности начались до письма, - охотно начала рассказывать Ира, - еще летом. Я тогда перешла в 10 класс. К нам тогда переехала старшая сестра моя с мужем. У них

только маленький родился. Я по набережной с Дениской часто гуляла. Веду коляску как-то, а навстречу завуч моей школы идет, поздоровались. Она спросила про здоровье, про маму и ушла. А через две недели после начала занятий в школе меня вызывают на закрытый педсовет. Мне не дали и слова сказать. Поставили посреди учительской, и как в тире по мишени со всех сторон стали стрелять обвинениями. Сначала я все спрашивала, в чем виновата, что натворила. Стою краснею. А когда стали гулящей да преступницей называть, комок к горлу подступил, ничего не могу говорить. Слезы душат. В общем, выгнали меня из школы. Сидела дома. А через месяц мать приехала из командировки. Я все ей рассказала. Она пошла в школу, поругалась. Меня опять зачислили. Но я так и не смогла пойти туда – слишком больно было. Перевелась на заочное. И чуть позже устроилась на станцию работать штукатуром-маляром. Мать все говорила, коль не учишься, как все нормальные люди, иди, зарабатывай на жизнь, таскай ведра с раствором. Работа и вправду тяжелая, я себе кишки и надорвала, да и сердце мое не выдерживало... А потом письмо от отца пришло, я так обрадовалась! Закрылась в комнате, села поудобнее. Смотрю на конверт, радуюсь, я ведь об этом 10 лет мечтала: как письмо напишу, как ответ получу. А потом. Как мы встретимся, обнимемся, и я стану папе все-все рассказывать, только бы он меня не отпускал и держал в своих руках долго-долго. Я бы к нему прижалась и замерла. И вот оно письмо, открыла, читаю. А в глазах темнеет. Писала мне его теперешняя жена. Осыпала меня проклятьями. И в конце там такие слова были - теперь, мол, ты никого беспокоить не станешь, я об этом позаботилась. Я больше ничего не помню, очнулась в больнице. И все тело так болит. А через месяца три вышла замуж. Нам с Аликом податься было некуда. У мамы жили полгода. Характер у нее сами знаете какой, ну и Алик не подарок. В общем, как-то на ночь глядя, выгнала она нас из дома. Хорошо, лето было. Всю ночь прогуляли. Жили по углам месяца три. А тут Алику квартиру дали от атомной станции, вскоре я родила, хоть и запрещали мне с моим-то сердцем. Врачи, пока я носила. Приезжали раза четыре по «скорой». Все хотели аборт сделать. Так я потом стала от них скрываться. Как увижу машину скорой в окне, спущусь в подвал, там спрячусь. Вот так и дотянула. Роды были тяжелые, разрывов много. После меня на лед положили и забыли. А кровь все равно не останавливалась. Это у всех такое, кто на атомной работает. В общем полтора суток пролежала, пока обо мне вспомнили. Так вот почки и застудила. Постепенно стало в теле все болеть: то сердце, то почки, то суставы. А то страхи стали наваливаться по ночам. Лежу, думаю. Да ведь раньше я ничего не боялась, что со мной происходит? Юлечку из реанимации через три недели ко мне перевели. А молока все нет, перегорело. И поплакаться некому. За месяц Алик только дин раз пришел. Пустили его в палату: я ведь не ходила. Принес сетку апельсинов, сказал «поздравляю», чего-то еще промямлил и ушел. Вернулась я домой с дочкой, а там шаром покати. Спасибо, соседка то еды принесет, то пару ползунков – у нее самой двойня. Да иногда сестра чего-нибудь подкидывала. Так до года Юлечку и растила. Пыталась анализировать, что же со мной происходит: почему страхи давят, откуда столько боли? Почему люди от меня шарахаются? Ведь я молодая еще, а таблетки уже горстями ем. И как только ночь – лежу, трясусь от страха, и слышу голос. Да такой настойчивый: «Иди на балкон!» Раз не выдержала и пошла. Опять слышу: «перелезь через перила». Перелезла как зомби. Подняла глаза вверх, а там луна огромная, яркая, меня всю светом залила. А голос все свое: «Зачем тебе такая жизнь, прыгай!» Я уже руку одну отпустила... А Юлечка расплакалась, да громко так. Я словно очнулась: постояла, постояла и перелезла назад. С тех пор прошло немного времени, как вдруг вернулся Алик, стал прощения просить, чуть не плакать. Я и простила. А куда деваться: ни работы, ни

денег, сама вся в болячках. Я смогла чаще бывать у матери, иногда заскочу на часок, иногда и заночую, а потом опять к себе. Вроде бы все начало налаживаться, как вдруг новая напасть: голос стал хриплый, грубый такой из меня вырываться. Такую мерзость несет – жутко слушать. Я давно уже из-за страхов на автобусах не езжу, а теперь и подавно. Даже в магазин зайду, быстро что-то куплю и убегаю: этот голос ведь в любой момент может начать поносить и материться на всех вокруг, а тело становится непослушным. Если не успею убежать, так и стою, а люди от меня шарахаются как от прокаженной. А после этого всегда приступ начинается. Раньше стеснялась, а теперь все равно: встаю вниз головой к стене, и тогда быстро проходит. Иногда люди подходят, помощь предлагают. Как-то двое парней до дома донесли. Есть же хорошие люди. Стала всерьез причину искать, к бабкам ездить, экстрасенсам, целителям. Но все меня только гонят. Иные хотя и поговорить могут, а потом заявляют, мол, мы ничего сделать не можем, ищи настоящую силу. А где ее искать не говорят, только головами качают. Свещеник вот один, постричься в монахини посоветовал: «Молись, Бог милостив, простит грехи». А какие такие у меня грехи? Грех, что выжила, что не свихнулась, не сломалась?!

- Часть 2-

- Дела заставили меня уехать, но эта встреча была не последней. Через полгода, 1 мая, мне позвонила из соседнего города старшая сестра Иры и рассказала о беде: взорвалась чернобыльская атомная станция. Всех жителей Припяти посадили в автобусы, сказали, что всего на один день эвакуируют, а увезли навсегда. За тридцатикилометровую зону. Целый город в палатках, и только тех, кто успел взять с собой документы, расквартировали по соседним селам и деревенькам. Вот туда-то со старшей сестрой Иры Эллой я и отправился на своей легковушке. Утром следующего дня мы нашли деревню, где жила эта семья. Три часа сна и мы отправились обратно. Эта книга о другом, но не рассказать об этой трагедии, то, что видел собственными глазами, я просто не могу. Дома в селах забиты наглухо, а рядом вооруженные люди в штатском. Бесконечная очередь из автобусов с детьми. Деток все время рвало и автобусы ехали с открытыми дверями. А за ними двигались огромные, длинные машины, которые везли ревуший скот. Ночью меня три раза просто спихивали с трассы, мчавшиеся на встречу колонны «Уралов», груженные свинцовыми плитами. Очень болела голова. Дважды меня останавливали на пунктах обработки. И когда счетчиком Гейгера проводили под днищем машины, он такой пугающей трелью заливался, что даже операторы отскакивали. Никакая обработка не помогала. Вот так и выехали из зоны. А потом нас жизнь разбросала на целых два года. За это время я еще раз успел побывать в Чернобыле – военкомат направил на целых полгода. Потом была учеба в Москве, работа, война в Приднестровье. Встретились вновь уже в Киеве. Там Мария Федоровна получила однокомнатную квартиру и продолжала ездить на вахты в Чернобыль. Ира теперь уже с двумя детками жила здесь же. Недавно она совсем ушла от мужа. Алик приходил раз в неделю, устраивал разборки. После чего весь этаж целых два дня пил валерьянку, а что творилось с участниками этих спектаклей и не передать словами. Сами за себя говорили разломанная мебель, осколки битой посуды, тревожные сирены скорой помощи, и прочие радости. Мне открыла дверь Ира. От миловидной женщины с огромными голубыми глазами, лебединой шеей и грациозной фигуркой, осталась только по-детски чистая, но грустная улыбка. Как только не уносил ветер это хрупкое

тельце, остается только удивляться. Но в скором времени я понял как: Ира постоянно за что-нибудь держалась. Она давно уже не выходила на улицу – сил не было по лестнице спуститься. К тому же мучили старые страхи. Никакие допинги уже не помогали. Ира постоянно держала руки плотно прижав к животу, ходила медленно, осторожно ставила ноги и все время боялась – вот, вот сердце сорвется и начнется приступ. Малявочки – Кира и Юля – бегали тут же, но в их поведении чувствовалось какое-то напряжение, зажатость. Вечером пришла Мария Федоровна, мы ужинали. Ира сидела в уголке тихая и бледная. Только кивала, со всем соглашаясь, даже с тем что противоречило здравому смыслу. Мария Федоровна медленно, со вкусом и знанием дела добивала Иру упреками, а то и откровенными оскорблениями. - Нажила вырождков, сама на ладан дышит и дети такие же. Сколько крови ты мне попила, непутевая. Вся в отца. Что у тебя болит? Сердце? Нервы? Так иди лечись!!! Чего сидишь, хлеб только переводишь! Не было от тебя толку никогда и не будет уже. Бестолочь безвольная. Да ты хуже твари... Вечер закончился чаем с сушками. На полу в маленькой комнатке сопели малыши. Тихо рядышком всхлипывала Ира. Мария Федоровна спала на диване. Здесь же в комнате мне разложили кресло. Но мне не спалось – настолько впечатлительно прошел вечер. И всему этому есть только одно название – безысходность. За окном светало, пели птицы, появились первые машины. А я все сидел на кухне и слушал тишину. «Как же так? Как же так?» – тикали часы. «Обойдется», - скрипела половица, а другая в ответ - «нет-нет». И не обошлось, милый мой читатель. Не обошлось без выдержки, грамотного спокойного анализа ситуации. Методичного следования намеченному плану, поиску лучшего пути и снова – спокойный анализ и поиск пути. Начинать нужно было с Марии Федоровны. Она и только она первопричина вибраций, которые разрушают все вокруг, заставляют трепетать каждую клеточку и всех, кто рядом. Сила и властность этой женщины были хороши на работе, на улице – там где нужно пробивать себе дорогу, хорошо работая локтями (хотя, если честно, я так не думаю). А с другой стороны попробуйте, за десять лет от простой буфетчицы со средним музыкальным образованием дорасти до директора крупного универсама – это в стране, где царят хаос, взяточничество, подсиживание. Все потерять после Чернобыля и вновь подняться на ноги. Здесь нужен талант, ум и недюжинная сила духа плюс огромное трудолюбие. Но выигрывая в материальном, просто катастрофически теряешь в духовном. И начинаешь причинять страдания всем окружающим, и близким людям. Медленно, осторожно день за днем я старался рассказывать Марии Федоровне о душе, о духе, о самом сокровенном, что должно быть в каждом человеке, о роли религии, церкви, о благодати Божественных молитв. И еще одна маленькая хитрость. После аварии на станции, все, кто хоть как-то был причастен к этому, получили максимальную дозу радиации. Я сделал свои методами диагностику и рассказал без утайки, что есть, что из этого будет и чем все закончится. И вы знаете, подействовало! Жить-то хочется. Тем более, что примеров смертей и инвалидностей к этому времени среди друзей и знакомых Марии Федоровны было уже предостаточно.

- Часть 3 -

Скоро сказка сказывается да не скоро дело делается. Через месяц показатели здоровья Марии Федоровны поползли вверх. Моя работа с ней начала давать результаты. И стал я осторожненько так подбираться к ее подсознанию, а уж после и к душе. И слезы были и стенания во время нашей работы по восстановлению здоровья. Прошло не многим больше месяца, передо мной теперь сидела спокойная, светящаяся внутренним светом женщина. Теперь можно говорить об основном, подумал я. Доказательств моей компетенции было достаточно. На глазах Марии Федоровны выздоравливали ее друзья после наших занятий. Это подтверждали и медицинские заключения. Потихоньку, тщательно выбирая выражения, вечерами я рассказывал о душе человека, о той силе, которая приходит к человеку после крещения. О страданиях ее близких, о взаимосвязи между близкими, о таинстве креста. О необходимости быть прикрепленными к духовному эгрегору, который объединяет, очищает, помогает людям. Каждый вечер выбирая темы так, чтоб они были интересны и взаимосвязаны. И вот однажды в глазах появился огонек интереса, желание знать, принять высшее начало. Мы пошли в церковь. Не в те прекрасные соборы, что веками украшают Киев, а в маленькую церквушку, недавно отстроенную для молений о погибших и болящих после Чернобыльской аварии. День таинства крещения Марии Федоровны совпал с большим церковным праздником. Народу собралось много. Служба шла очень красиво. И постепенно люди начали подпевать священнику. Зрелище было захватывающее. Моя Мария Федоровна, до этого спокойная, просто заливалась слезами. - Не хочу, а плачу, и не могу остановиться, а ноги ватные и воздуха не хватает, - шептала она мне. - Что происходит? Кроме нас на крещении в этот день принесли двух малышей. Очень любопытные, они без плача всю процедуру прошли и настала очередь Марии Федоровны. Очень хочется передать вам всю торжественность этого действия, найти слова, которые могут рассказать о благодати во время крещения. Как будто тысячи маленьких ангелочков заполнили своим чистым смехом все пространство, как будто тысячи колокольчиков расцвели одновременно и наполнили ароматом все вокруг, покачиваясь, заиграли мелодию тихую, глубокую, таинственную... Ну не могут пока люди слушать сердцем, и не придумали слов таких, чтобы происходящее с душой можно было объяснить. Только в сравнении, только примерами, доступными для понимания. Вот и сравните, и попробуйте прямо сейчас закрыть глаза на 10 – 20 секунд. Книгу не убирайте от лица. И если сердце ваше готово, прямо сейчас, гскт этих строчек вы услышите, почувствуете все, что я хочу донести до вас, до вашей души, до самых глубин сердца. А Мария Федоровна стояла на коленях и рыдала. Священник накрыл ее специальным покрывалом, читал молитвы, а мне казалось, что со слезами уходит вся боль, страдание, все тяжелое, что всю жизнь копилось в душе и не находило выхода. С тех пор появилась в доме литература религиозная. Читалась вся в запой без перерывов. И понял я, что с ней смог найти ключик к заветной дверце, и что моя помощь больше не нужна.

- Часть 4 -

Каждый день мы ходили с Ирой в сосновый парк на окраине Киева. Находили тихое место и... совсем не то, что вы подумали. Ира прислонялась к огромной сосне, а я набирал в руку из ее главного центра почек энергии (это в районе пупка) и тянул метров на десять к другой сосне, такой же толстой. Касался, как бы привязывая ниточку энергии, к стволу дерева. - Сосна, - рассуждал я, - минусовое дерево, значит, все, что мы называем минус в энергиях, то есть отработанная, грязная энергия будет тянуться, постепенно освобождаясь из организма. Это как распутывать клубок ниток. Процедура длилась по полтора, два часа. К концу работы Ира уже сидела на корточках. Совсем без сил. А потом мы шли к большой березе – она очень мощно гоняет по стволу плюсовые энергии. А значит, если прислониться спиной к дереву и просить о помощи березку, подключается поток, точнее, энергия дерева принимает человека в свой поток энергий и промывает его, поднимая вверх и опуская вниз, в корни, там, в земле энергии очищаются и вновь поднимаются вверх к зеленой кроне, насыщаясь силой потока. И такая работа, а лучше сказать, полумедитационное состояние длилось до часа в день. А ближе к вечеру мы шли в другое место парка – туда, где растут дубы. Это дерево являет собой с точки зрения энергетике мощный плюс и способно передать биосистеме, человеку свою силу, энергию. Потому что качества энергии дерева очень близки по вибрациям ко всем биологическим существам на земле. И дуб способен не только подпитывать своей силой, но и замещать, вылечивать воспаления в организме, где бы они ни находились. И еще. На лесопилке мне нарезали дубовых плашек из ствола, размером с ладонь и толщиной сантиметра три – четыре. Этими плашками Ира по полчаса трижды в день водила круговыми движениями в области сердца. А потом они лежали по 10 минут в проточной воде. И вода забирала весь негатив, который набирался в плашки во время процедуры. Вот так мы начали работу по освобождению организма Ирины от негативной энергии, накопленной за десять лет, а то и больше. Постепенно приступы случались все реже, появлялась живость в глазах. Ира стала с удовольствием ходить в парк, хотя каждые 300 метров она искала пенек, возвышенность и садилась чтобы отдышаться. Так она отдыхала по 10 – 15 минут. Но оставались еще кроме слабости и страхи. Она боялась всего – начиная от проезжающего авто, заканчивая дверными ручками. Это, можно сказать, классический комок страхов, комплексов, страдания и смирения с судьбой. Через некоторое время я заметил, что деревья и плашки сделали все, что могли. Надо было двигаться дальше. Но для этого нужно быть подключенным к какому-нибудь эгрегору. Эгрегор – духовное объединение. В нашем мире, в общепринятом, более известном смысле, это слово обозначает религиозную направленность. Христианство, Буддизм, Мусульманство и многие другие религии. Люди объединяются в эгрегор, духовное братство. Исповедуют одно религиозное направление. Вот и я решил покрестить Иру и двух ее дочек. Пошел в церковь, поговорил со священником и он назначил день. Дело в том, что на духовном плане такое подключение к эгрегору или крещение дает человеку защиту и возможность получать энергию для своих нужд. Кроме того, душа становится более деятельной, а человек полноценнее. Он чувствует самодостаточность, причастность к таинству Духа Святого, сам являясь его частицей. В назначенный день мы пришли в церковь. Это было небольшое на четыре комнаты одноэтажное строение, в обычном частном доме, каких много вокруг. Здесь и проводились все службы и обряды. Никаких эксцессов не произошло. Чинно, торжественно, спокойно прошел обряд крещения. Закончилась наставительная речь священника,

молодого улыбчивого человека, с умными и веселыми глазами. Этот весенний день выдался теплым и солнечным. Может, поэтому тогда у всех настроение было радостное и немного торжественное. Мы все вместе смеялись, шутили, вспоминали самые интересные моменты обряда крещения и во всем чувствовалось проявление чего-то очень чистого, возвышенного... Мы и не подозревали о том, по-настоящему, страшном, что за этим событием последует. С каким ужасом нам всем придется столкнуться. И если попытаться найти сравнение произошедшему дальше, то это, пожалуй, свободный полет в бездонную черную пропасть, долгий, долгий. Когда крик ужаса просто стынет в груди. А ожидание превратиться в лепешку просто цветочки, потому что там, далеко, далеко внизу течет, бурлит кипящая, зловонная сера с испарениями аммиака. Это был шок, глубокий, мощный – на многие годы.

- Часть 5 -

Начиная с этой страницы, мне очень хочется предупредить Вас, уважаемый читатель, что есть в мире такое, что может оставить неизгладимый след в психике и душе. Может стать знанием, которое кардинально изменило взгляды на жизнь и мироустройство. И если вы сильный, волевой человек и стремитесь объять необъятное, то, пожалуйста, продолжайте чтение, но не на ночь. Тем более, что незримо и почти неслышно, я подготовил ваш разум к тому, чтобы вся информация, изложенная дальше, поместилась на полочках сознания нежно и мягко, не причинив вреда. А если вы чувствуете, что уже и так натерпелись, что впечатлений хоть отбавляй, очень-причень прошу вас – читайте только до обеда. И обязательно после чтения два часа глубокого дыхания, для того, чтобы прочистить голову. Следующая неделя прошла в обычных хлопотах.. Постепенно я начала готовить себя к предстоящему. Посещал дважды в день Храм, во время Богослужения проводил чистку организма, голодал по специальной методе, делал особые упражнения. В этот, по-своему, знаменательный день, Мария Федоровна повела внучек в зоопарк. К их возвращению мы с Ирой убрали квартиру, благо всего одна комната, и пошли в парк. Последний раз я очень тщательно растянул нить от Иры, стоявшей у одной сосны, к другой, самой толстой. Постепенно, как бы нехотя, нить утолщалась, и что-то темное, липкое, грязно-зеленое медленно перетекало от Ирины к толстой сосне и исчезало в ее стволе. Три часа просидела Ирина на корнях дерева, выглядывавших из песка, ее тело мелко дрожало, а губы стали белыми. Голова безжизненно лежала на плече, а руки как плети повисли вдоль туловища. Это был огромный перерасход энергии. Необходимо было срочно компенсировать потери. Я подошел к ней и взмахом руки, ребром ладони, резко провел вдоль тела, тем самым отсек нить. А Иру попросил лечь на ближайшую лавочку, лицом вверх. Положил правую руку на межреберье – туда, где находится главный центр у человека – и, что называется, стал перекачивать от себя к ней энергии – жизненные силы. Эта процедура заняла минут двадцать. Теперь уже меня трясло. Таких обжор мне видеть еще не приходилось! Как пылесос сосет - такое было ощущение. Все закончилось так, как будто щелкнул переключатель. Ира сидела на лавочке долго и очень тихо. И вдруг говорит почти шепотом, как будто боится спугнуть кого-то: - Меня как будто стало меньше... Такое впечатление, что то, плохое, которое было частью меня, темное и гадкое, поубавилось и стонет во мне жа-а-а-лко, так. Вы знаете, кто это? Это оно во мне

шевелится и сердце дергает! Это оно разговаривает моим ртом, и говорит всякие гадости. Я только теперь поняла, это от него всякие страхи в мозг переходили, и силы у меня выкачивали, оно ело меня изнутри! - Ну вот, девочка, ты и сама начала отвечать на свои вопросы. А пока больше ни о чем не спрашивай, сама скоро все узнаешь, потерпи! И пошли-ка домой, нас уже заждались, наверное. Нас и вправду потеряли. Девчонки поели и ушли гулять. А мы сели обедать. Мраия Федоровна приготовила украинский борщ, галушки, капусточку, малосольные огурчики, и все так украсила, расставила – прямо отдельный кабинет в ресторане! Надо сказать, Мария Федоровна очень любила все украшать – стены были увешаны всякими картиночками, веточками. Повсюду стояли вазочки, экибаны – даже прислониться негде. А небольшая кухонька походила больше на музей искусств. Боязно было даже ходить и дышать: столько любви и заботы было вложено в каждый квадратный сантиметр! К этому времени у Марии Федоровны появилось интересное занятие – регулярные походы в церковь. Она много читала, молилась – и все это вперемежку с подробными рассказами про церковные дела, про батюшку, про служек. И как кирпич доставали, как спонсоров привечали. А икону новую внесли – так все в радости на колени пали. И так далее, и так далее... Прошел обед, а за вечерним чаем подумалось мне, если это Лев, так он и в Африке – Лев. Другими словами, человек активный, сильный, волевой, который привык всего себя отдавать делу, о чем бы ни шла речь, всегда и во всем найдет возможность проявить себя, реализовать свой потенциал, при этом обязательно станет лидером. Даже страшновато стало. Людей такой мощи и силы едва ли двоих за всю жизнь и встретишь. А вот он сидит рядом со мной, чаи гоняет, то варенья подаст, то халвы предложит, то персик принесет, а уж коктейлей сделает – не оторваться. Просто идиллия да и только! Наступил вечер. Вы никогда не бывали в Киеве, когда цветет акация, нет? А зря! Такой дурманящий запах, просто голова кружится, такое умиротворение, тишина. Ночи теплые, тихие, живые. Все дышит жизнью. Соловьи заливаются на все лады и ощущение, что не ушами и носом все чувствуешь, а прямо всей кожей, всем сердцем. Так насыщены весны сладким ароматом разнотравья, стрекотом насекомых, клекотом горлиц... Вот и пришла ночь, звездная, тихая, живая. Все в округе залито лунным светом, нежным, голубоватым, таинственным... Пора!!! Сегодня, именно сегодня произойдет ЭТО. Все завершится сегодня, или я погибну! Разорвется сердце, не выдержит напряжения, борьбы с черной силой, со злом рода человеческого, с нечистью поганой, той, что в человеках незаконно живет, обитает. Жизнь, соки выпивает, детушек родителей лишает, судьбы коверкает, ломает. Горе, беду привечает. Страх и разочарование заселяет, радости и счастья лишает.

- Часть 6 -

Пусть картинка будет полная, дорогой читатель. Я вернусь к началу рассказа на чуть-чуть. Помните злополучнее письмо, которое получила Ира, якобы от отца, а на самом деле – от его новой жены? Вспомнили? Ну так вот. Это письмо не пропало. Его забрал соседский мальчик Илюша. Ира договорилась с ним, когда уйдет мать на работу, что он придет и принесет новую кассету с «Битлами» - и они побалдеют: у Иры есть две пары стереонаушников. Илюша позвонил в дверь, когда никто не ответил, зашел в Ирину комнату, увидел ее бездыханную в кресле,

а на коленях развернутое письмо. Испугался, хотел сразу смотаться, но любопытство пересилило страх. Взял листок, хотел прочесть, к лицу поднес. Вдруг холод медленно пополз внутрь тела и страх приковал мальчика к полу. Так и застыл. Ноги свинцовые, буквы расплываются, и что-то липкое вползает через нос, глаза, рот, ноги – прямо в него. Заполняет, умащивается в каждой клеточке тела... Как дома очутился, Илюша не помнил. Только температура резко поднялась, и озноб не прекращался всю ночь. А утром увезли его в больницу с пометкой – диагноз не установлен. Так в бреду месяц и пролежал. Потом врач уговорил родителей мальчика показать психиатру. Повезли его в психлечебницу. В приемном покое уже наслышаны были о странном случае, когда 14-летний подросток выбросил шкаф прямо в окно, высадив при этом раму, потом кровать, тумбочку и всю мелочь, что попадалась под руку. Вошли две санитарочки, дежурный врач и охранник. Хотели успокоить. Но успокоил их Илюша. Перед профессором стоял щуплый паренек-переросток и весь трясся лихорадочной дрожью. Глаза затравленные, взгляд рассеянный, белки глаз желтоватые, смотрит куда-то внутрь себя. - Ну-с, здравствуйте, юноша. На что жалуетесь? Подойдите, пожалуйста. Вот так. Покажите язык, так, теперь ручки вытяните, хорошо! Теперь коленочки позвольте! Так что же беспокоит, юноша? Что вы кушали сегодня? Странно, странно. А стул у вас какой? Расстройства нет? Теперь живот покажите... И стоило профессору коснуться пальцами брюшной полости, как вдруг тихий, примерный Илюша берет наклонившегося профессора за волосы двумя руками и с силой толкает его голову себе в промежность с голосом пропитого забулдыги: - Ты этого хотел, да? Так возьми, ну бери, сучара, не тяни – очень хочется. Урод плешивый. Рот разинь. У-е-е? бестолочь, ничего не можешь. Пасть, говорю, разинь! Порву, мразь, на куски! В коридоре услышали шум, прибежали. Илюшу связали, профессора откачали. Через два месяца Илью, напичканного наркотиками, уже совсем притихшего, родители увозили домой. Диагноз был нехороший: шизофрения. Спустя две недели Илюша во время приступа бешенства прыгнул прямо сквозь оконное стекло... с восьмого этажа, на асфальт. Хоронили Илью всей школой, гроб не открывали. На парня надели новенький костюмчик, купленный еще когда мальчик был здоров. Никто из взрослых не посмотрел, а в кармане пиджака лежало то самое письмо. Теперь-то понятно, почему Ира не умерла? Не понятно? Рассказываю. Новая жена отца Ирины обладала незаурядным талантом и знанием Черной магии. Ее целью было навсегда отвернуть бывших родственников от мужа, да так, чтобы и дорогу забыли. То письмо несло мощную негативную программу разрушения биосистемы, любой. Достаточно чтобы человек включил эту программу, то есть начал читать письмо. При этом открывается пространство в темный мир, разрываются биополя человека, то есть его защита. И происходит вселение низких сущностей астрального плана. И называется это на языке энергетов: проклятье на смерть через вселение. Помните слова: «ты больше никогда не будешь сюда писать!»? Так случилось, что мальчик Илюша был очень любопытным, дочитал письмо до конца и большую часть программы взял на себя. Интересно? Мне тоже, но мой интерес – профессиональный, а ваш? Вам зачем? Однако это знание необходимо, чтобы уметь противостоять этому негативу. Только не все сразу – не спешите читать залпом. Во-первых, это не бульварный роман, во-вторых, информация такого рода должна усваиваться медленно, постепенно подготавливая мозг к развитию. А мозг, как вам известно, на 95 % состоит из воды. Даже современная наука не спорит, что жидкость – это активный поглотитель энергий и энергетических программ, заложенных в любой носитель. Конечно же, эффективность программ сильно зависит от силы и опыта, а также направленности мастера – положительной или отрицательной с точки зрения

человека нормального. Хотя и само понятие – направленность – зависит от точки зрения, идеи. Каждая из противоборствующих сторон приводит аргументы правильности своей позиции. Ведь основные понятия добра и зла заложены в нас одинаково. Заполнены изначально Создателем. А уж потом социум насаждает свои программы. Кто послабее, соглашается, кто посильнее – борется или погибает. Растоптанный, униженный, нищий. А для кого-то это повод перешагнуть через запретную черту со словами мщения: «Вот как вы со мной обошлись, ну так получайте, я вас всех растопчу, в гроб загоню». И принимается за темные дела. И постепенно такой человек становится проводником темных сил или еще точнее, работником...

- Часть 7 -

А сейчас я расскажу вам, что произошло дальше на маленькой кухоньке в однокомнатной киевской квартире. Когда все улеглись, мы с Ирой остались вдвоем на кухне. Я заранее принес сюда все необходимое и плавно закрыв дверь, попросил Иру мне помочь. Мы сложили и убрали стол за плиту, собрали стопочкой табуретки, оставили только один стул посередине. Места значительно прибавилось. Можно было свободно ходить вокруг сидящего и ничего не задевать. Я раскурил ладан. Зажег церковные свечи, одел на шею живые помощи, перекрестился трижды у иконы Пресвятой Богородицы и Спасителя. И начал читать молитвы. А перед этим включил механизмы, открывающие так называемый пространственный канал. Проще говоря, пригласил Высшие Силы поучаствовать в этой работе. Помещение маленькое, все закрыто, и насыщение энергией произошло очень быстро. К тому же запах горящего воска и ладана заполнил все пространство. Получилась своеобразная баня. Ира сидела на стуле тихо, даже, казалось, дрожала. Глаза прикрыты, голова опущена на грудь. Руки спокойно лежат на коленях. Минут через двадцать она заворочалась, стала дышать глубоко, резко, со свистом и подняла голову. И тут я понял, что влип. На меня, а точнее в меня смотрели два угля. Они светились, и вместе с тем это были глаза с бездонной пропастью сумасшедшего. Руки дергались как в конвульсиях. Личико превратилось в перекошенную ненавистью гримасу. Долго, тогда мне казалось вечность, глаза изучали меня, бормочущего придурка, оценивали, как меня проглотить: кусочками или так, полоснуть по горлу и выпить да высосать все содержимое. А потом я прочитал другую мысль в этих кошмаром горящих глазах. Меня оценивали, гожусь ли я как квартира, как место, куда можно впрыгнуть и жить и сосать изнутри. А потом пустить щупальца в мозг, и уже тогда порезвиться, высасывая других прямо из меня. Должен добавить, что когда началось это существо нацелилось на меня, потянуло вдруг холодом, и это был вовсе не сквозняк, а настоящее кладбище. Вам не доводилось в жаркий июльский день рыть могилу или погреб? Вот примерно такое ощущение. И добавьте сюда чувство, когда на сорокаградусном морозе вы потеряли варежки, шапку и пальто. А идти еще минут сорок. Еще прибавьте затхлый воздух ямы и чувство полной обмороженности до костей в тех местах куда проникает этот мерзкий воздух и полную парализацию нервов, сразу всех, от леденящего черного взгляда на перекошенном лице. Мне стало не по себе. Мозг мой еще шевелился, вяло, но анализировал происходящее, адышать было уже нечем. Что-то случилось с горлом, легкими и гортанью. Хотелось выскочить из этого ужаса сквозь дверь,

коридоры и лестницы. Подальше от этого чудовища. И никогда, клянусь, никогда не возвращаться сюда. И забыть это место, людей, все, все. И никогда не вспоминать, даже под пытками. А ледяной холод сковал кажется, все члены, грудь, шею. Не повернуться, чтобы убежать не вздрогнуть, чтобы заорать от страха и ужаса. Оно проявилось, проявилось полностью. Во всей своей ужасающей мощи чужого мира. До того чужого и страшного, что моя психика просто гавкнула, как тельце котенка под колесом КамАЗа. Все! Теперь моя очередь! Мысленно, резко, оглушительно я открыл небо. Начертил глазами формулу заклятья. И светопредставление началось. Опустился цилиндр света. Бешенное вращение внутри цилиндра светящихся потоков создавали такие силы, что как в жерновах на огромной скорости стали появляться искры. Они постепенно становились все гуще и вот уже мы находились в цилиндре яркого белого света, сотканного из искр. Я начал произносить слова заклятья: — Выйди вон сейчас и сию минуту со всеми порчами и отъиди от рабы Божьей Ирины сий прочь и пойдя в свое место, в землю пустую. Туда пойдя и живи, а сию рабу Божию Ирину оставь навсегда и до веку! Отныне, Аминь. Аминь. Аминь. Мои руки были подняты вверх и, казалось, между ними пролетали молнии, чувствовалось огромное напряжение в кистях рук и горячий поток, как по трубам шел от плечей к ладоням. Действие продолжалось около часа. Я стал проводником высших токов. А затем вся эта мощь была направлена к Ирине. Через минуту застывшее тело дрогнуло и резко прогнулось через спинку стула. Вот в такой позе. На мостике, она простояла минут 30. И тут начался диалог, а точнее голос проявился, хриплый, наглый, чужой. — Ты кто такой? Кто тут? Не выйду-у-у-у! Зачем жжешься, ах как жжется, тебя кто просил, ты чего лезешь ко мне, это моя квартира. Не выйду. Я давно здесь сижу. Она моя. И будет моей. Куку-у-у-у. Не уйду, ой-ой, жжется. Не выйду, только не сегодня, завтра выйду, точно завтра, а сегодня не выйду, не жги, падла! Ладно, сам выйду, отпусти. А сука моя как там? Хорошо, думаешь, ей? Моя это квартира. Я ее семь лет водил, водли, отвоидл. А она все равно к тебе пришла. Не выйду-у-у-у. Ну сучара, щас я до тебя доберусь! Не ты сажал, не тебе и гнать. Сам щас сдохнешь, кишка тонка, урою, падлу. Здесь позвольте мне остановиться в перечислении всей этой брани. Это только со стороны занятно, поверьте на слово. На самом деле — это шок для неподготовленной психики. Настолько разительный контраст между тем, к чему мы привыкли и тем, что было передо мной. Как мог, я смягчил эту речь. Избавил ваши глазки и ушки от всей мерзости, которая лилась нескончаемым потоком из горла выгнутого на мостик тела Иры. А потом спустя два часа такого напряжения, она резко прогнулась вперед, подняла глаза и мне захотелось сказать: «ой-ой». На меня уставились угли, черные угли с красными, налитыми кровью белками. Исподлобья смотрели на меня с лютой ненавистью. Волосы мокрые, слиплись, лицо перекошенное. Она схватилась за сиденье стула руками и не поднимаясь с него, начала прыгать. Грохот стоял такой! Стул не выдержал — как можно это сделать, не знаю — но он превратился даже не в обломки, а рассыпался на мелкие щепочки. Вы знаете, что такое истерика? Да? Так вы ничего не знаете, это нужно было видеть! Прислонившись спиной к газовой плите на полу в обломках, перепачканное сажей от свечек, мокрое от пота сидело нечто. Глаза горят, взгляд, полный ненависти. Звериный оскал лица. Ничего человеческого. То визжит, то стонет, а то переходит на всхлип. -Дай, дай пить! Пить хочу, пить хочу! Дай, дай пить! Ур-р-рою, падла! Дай пить, пить, пить дай! Напряжение в помещении достигло максимума. Все дальнейшее как страшный сон. Как бред тяжело больного. Шкафы сами открывались, сыпалась посуда. Со стены полетела бутылка с маслом. Что-то бухнулось за дверь, как мешок. А я продолжал: — Выйди вон сейчас, сию минуту со всеми порчами и чарами! -Не-е-е! не выйду! И крик, ледяной, длинный, звонкий,

истеричный, оглушительный. И мерзко запахло серой. Вонючей, тошнотворной. Хотелось кашлять, кашлять. Я открыл окно. Взял приготовленный заранее специальный для обряда нож и с силой воткнул его в подоконник со словами заклинаний. Конец первого действия. Антракт.

- Часть 8 -

Все в буфет. И чавкать, чавкать, чавкать — настоящее пожелание автора. Все закончилось. Постепенно успокаивались шумные энергии. Оседала пыль после побоища. Светало. Запели птицы. Было тихо и покойно. Сердце мое постепенно входило в нормальный ритм и возвращалось из похода в горло на свое законное место в груди, чуть левее середины. На полу, неестественно подвернув руки, лежала Ира. Спокойная и живая. Я обошел ее, стараясь не наступить на обломки некогда красивой кухни и попытался открыть дверь. Не поддавалась. Через сеточку мелких трещин, которыми пошло все витражное стекло, я увидел на полу Марию Федоровну — тоже тихую, спокойную. Видимо, у нас всю ночь был зритель. И это ее тело бухнулось мешком с той стороны кухни. Весь следующий день до самого вечера, я спал. Тело ватное, будто меня мутузили, мутузили и недомутузили. Первая мысль — больше я не смогу. А и не понадобилось. Получилось! Ко мне заглянула Кирка: — Дядя Кирилл, бабушка зовет тебя чай пить! Пойдем? И потянула меня за руку. Ну как тут не согласиться! А дальше?! Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Я умылся, привел в порядок лицо и руки. Остальное — разбитое, еле шевелящееся, без сил, стонущее и попискивающее в каждой мышце от боли и усталости. Хорошо спрятал под одеждой его — посмотрел в зеркало — ничего не видно. И вошел в кухню. Вместо бывшего витража дверь плотно закрыта занавеской в цветочек. На столе — отглаженная, белоснежная скатерть с ручной вышивкой, старинный самовар. На большом блюде пытели горячие пампушки в сахаре и сгущенке. Чинно стояли на блюдцах чашечки для чая. А в уголке, перевязанная ленточкой стояла бутылка шампанского. На меня смотрели грустные, мягкие голубые глаза Ирины. Ситцевый халатик плотно облегал худенькую фигурку. — Здравствуй! Чаю хочешь? Видимо, вчера мы перешли на «ты». Мария Федоровна отодвинула табуретку и протянула мне бутылку. Ну что стоишь, садись. Открывай! Заждались уже. Ира стояла у окна и смотрела. Как я воюю с пробкой бутылки. По щекам тихо катились слезы. Ни жеста, ни звука, просто стояла и смотрела на бутылку. А слезы все катились и катились. Наверное ждала, что сейчас бахнет. Но я открыл аккуратно, тихо и налил пенный напиток в приготовленные фужеры. А потом были пельмени, квашенные помидорки, и разговоры, разговоры. Обо всем, кроме прошлой ночи. Тихо тикали ходики, мурлыкал кот. Со стен на меня смотрели иконы. В деревянных рамках с позолотой. Большие, маленькие, всякие... А в уголке на полочке под самой большой иконой Пресвятой Богородицы потрескивая желтым язычком пламени горела лампадка, а в окно заглядывала полная луна. День за днем, скрупулезно проходила наша работа с Ирой по восстановлению здоровья. Необходимо понять, что мало убрать корень зла — аномальное явление — с человека. Дело в том, что последствия разрушения организма бывают просто ужасными. А кто же будет их устранять, если не тот, кто убрал причину — порчу? И с этой задачей я справился. Ирина стала здоровым, полным сил человеком. Обычно, сказки на этом и заканчиваются. Осталось только

добавить: и жили они долго и счастливо. Но, к сожалению, в жизни все немногop-
другому. Излечить от тяжелой болезни, как видите, можно, пусть даже на это
уходит очень много сил, а вот сделать человека счастливым способен только сам
человек. Мы лишь можем помочь информацией, дать совет, направить. А дальше,
имеющий уши да услышит... Спустя много лет я опять встретился с семьей Марии
Федоровны, но это уже совсем другая история.

P.S. Видео сеанса экзорцизма: <https://www.youtube.com/watch?v=fIWgy1onSAM>